

«Уходящая Русь» вернулась

Вместо эпилога

Сергей Разгонов

«Уходящая Русь» – так, по совету Горького, Павел Корин назвал серию этюдов. Действие картины, по замыслу художника, должно было происходить в Успенском соборе Московского Кремля

Весной 1925 года в Донском монастыре хоронили патриарха Тихона. Ему выпала трудная доля – возглавить русскую православную церковь в 1917 году. Это он, поздравляя паству с новым 1918 годом, осмелился сравнить социализм со строительством Вавилонской башни, а позже – в мае

П.Корин. Эскиз картины «Уходящая Русь»
Фрагмент

1920 года – решил написать Ленину письмо, требуя восстановить доступ верующих к мощам преподобного Сергия в Троицкой лавре. В посланиях к архипастырям он призвал «на защиту попираемых ныне прав церкви...»

В семнадцатом году трагически не встретились, разошлись монархия и только что восстановленное патриаршество. А новая власть с первого часа своего существования начала непримиримую борьбу с Церковью. Сначала отделили ее от государства, затем от имени этого государства ограбили, потом начали уничтожать священников и храмы. Гонения на церковь – особая, может быть, самая страшная страница в истории красного террора.

В дни похорон патриарха Тихона, когда в Донском собрался чуть ли не весь российский клир, казалось, Православная Церковь хоронила самое себя. Свидетелем этих дней стал Павел Корин, который тогда же задумал картину под названием «Реквием» и определил ее смысл и пафос с убедительной краткостью: «Удары колокола. Мрачно, безнадежно». Картина должна была показать трагический конец тысячелетнего пути русской церкви, уход ее с исторической сцены.

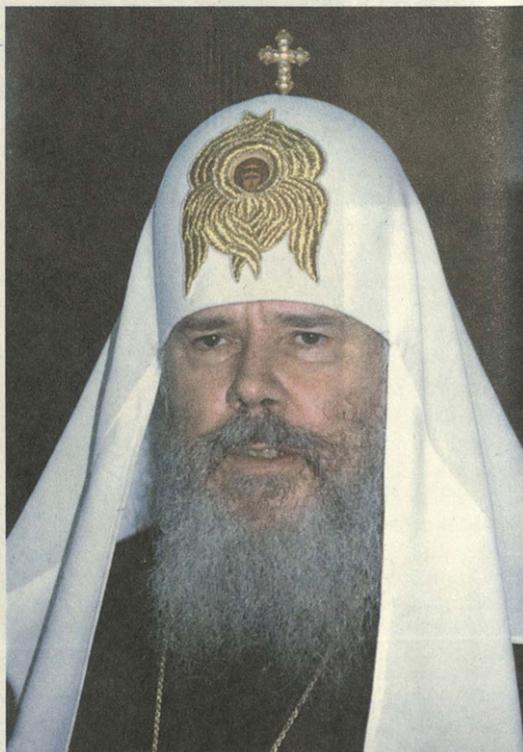
Знаменательно, что полотно так и осталось ненаписанным, но эскиз Павел Корин завершил. Успенский собор в Кремле, где патриархи венчали царей на царство. Идет последняя служба «часовых идеала», непримиримых, несогласных. Они готовы умереть за веру отцов, готовы пройти крестный путь первых христиан-мучеников, они хором повторяют строку старинного стиха «Сердца на копья поднимем». И для них это не пустые слова. Обреченные, но не сломленные, они почти поголовно будут расстреляны, бесследно исчезнут в лагерях; а храмы, где они служили, будут снесены или осквернены. Успенский собор надолго станет музеем победившего атеизма.

Тогда, в годы чудовищных гонений, было мало надежды, что церковь без сильного и мужественного патриарха сможет устоять перед натиском грубой революционной силы.

Первым зримым свидетельством этого натиска стал расстрел Московского Кремля в октябрьские дни семнадцатого года, когда красная артиллерия, изгоняя горстку юнкеров, вовсю палила по кремлевским соборам. Снарядов не жалели. Один из них попал в центральный купол Успенского собора, пострадали Благовещенский, Архангельский соборы, Патриаршая ризница, Иван Великий, Чудов монастырь, собор 12 Апостолов. Древние святыни стали не случайными жертвами боевых действий, их просто превратили в удобные мишени для

Патриарх Московский
и всея Руси Тихон

Патриарх Московский
и всея Руси Алексий II

артиллеристов и пулеметчиков. Не в одну попадешь, так в другую. И это было только началом крестного пути русской церкви.

О расстреле кремлевских соборов написал книжку епископ Камчатский Нестор, прибывший в Москву на Поместный Собор и ставший невольным свидетелем октябрьских событий. Как и этюды Павла Корина к «Руси уходящей», записки епископа Камчатского рисуют картину беспримерной ненависти большевиков к церкви. Горечь и боль в каждом слове Нестора, летописца трагедии: «Замолк рев артиллерийской пальбы, затих шум братоубийственной бойни, и из праха и дыма гражданской войны глядит он на нас, зияя ранами, разбитый, оскверненный, опозоренный Кремль — твердыня нашего духа, немой свидетель прежней нашей славы и настоящего позора, сложенный по кирпичу трудами поколений, залитый в каждом камне кровью его защитников, стоявший свыше полтысячи лет, переживший всякие непогоды и бури и павший ныне от руки своего же народа, который через полтысячи лет стал разрушать свои вековые святыни...»

Тогда, в семнадцатом году, епископ Камчатский не мог предвидеть масштабов будущих разрушений, когда не в горячке гражданской войны, а в мирное время взорвут великий храм Христа Спасителя, чтобы построить ту самую Вавилонскую башню, о чем предупреждал патриарх Тихон.

В своих заметках очевидца епископ Нестор задается неизбежным вопросом: кому и для чего понадобились все эти ужасы? Кто осмелился поднять руку на священный Кремль? Он не знал еще, что революция тем самым объявила войну Церкви, что надолго закроются кремлевские храмы и замолчат колокола Ивана Великого, что новоизбранному патриарху Тихону никогда не войти под своды расстрелянного Успенского собора.

Горьким пророчеством звучат его заключительные слова: «Хочется верить, что если это были русские люди, то из их сердец было совершенно вытравлено сознание, любовь к своей родине России и ими руководили враги России и враги всему тому, что дорого и свято для русского человека...»

Позор этот может загладиться лишь тогда, когда вся Россия опомнится от своего безумия и заживет снова верой своих дедов и отцов, созидателей этого Священного Кремля, собирателей Святой Руси. Пусть этот ужас злодеяния над Кремлем заставит опомниться весь русский народ и понять, что такими способами не создается счастье народное, а вконец разрушается сама когда-то великая Святая Русь».

Не скоро опомнилась Россия от своего безумия. Прошло более семидесяти лет,

«Уходящая Русь» вернулась
в Успенский собор

прежде чем Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II смог провести службу в Успенском соборе. Это был великий день в нашей истории. «Уходящая Русь» по праву вернулась в Кремль. Она не стала проклинать своих мучителей, вдохновителей и исполнителей святотатств, но не забыла о принсенных жертвах и пережитом позоре.

Уходящая, скорбящая, гонимая Русь вернулась к родным московским алтарям, вернулась навсегда.

Сбылось слово незабвенного патриарха Тихона, ныне приобщенного к лику святых: «Мы твердо уповаем, что враги церкви будут посрамлены и расточатся силою креста Христова, ибо непреложно обетование Самого божественного Крестonosца: «Созижду церковь Мою, и врата адовы не одолеют ей».

Великий Московский Кремль
над Москвой-рекой

